

СМОТРИМ СВОЕ ОТРАЖЕНИЕ

Ровно 67 лет назад 1 октября, в четверг, в российский (советский) эфир вышла первая телевизионная программа. Конечно, настоящие телевизоры тогда были мало у кого даже в Кремле. Однако известно, что до 41-го года в СССР уже было 5—6 тысяч приемников, в основном самодельных.

Экспериментальное, малостроочное, как его тогда называли, телевидение, было доступно любому умельцу. Так утверждают историки ТВ. Тех, кто тогда лично выходил в эфир, почти не осталось. Ольге Высоцкой, первому ТВ-диктору и учителю тех, кто сегодня работает на телевидении сейчас, 92:

НАС ГРИМИРОВАЛИ ЗЕЛЕННЫМ... Ольга Высоцкая:

— С 29-го года я работала на радио, потом перешла на телевидение. Это была маленькая комнатка, переделанная из радиостудии. Все было очень примитивно. Маленькая выгородка 4 на 10 метров. Маленькая аппаратная. Освещение было такое, что свет падал прямо на лицо говорящему. Дикторов постоянных на телевидении не было, нас занимали у радио. Все шло в эфир сразу, живьем. Нас тогда почему-то гримировали зеленой краской: губы, глаза, щеки, иначе, говорили, изображение не получится. На первых эфирах волновалась очень. Честно говоря, я считала, что это мы дурака валяли. Ведь смотрели нас по-настоящему только очень высокопоставленные люди, у которых были настоящие телевизоры. У простых людей телевизоров не было. Потом уже линзы появились, которые наполняли глицерином. С другой стороны, все было довольно серьезно — мы, например, показывали Чкалова, когда он совершил перелет через полюс. А Чкалова перед эфиром возили по разным приемам. В сопровождении сотрудника из последних известий, потому что каждый прием сопровождался обязательно горячительными напитками, и боялись, что его живого не довезут до студии. Но — довели. Подвели меня к нему — я уже была загримирована — представили: это диктор, который будет вести передачу. А у него была привычка — он опускал низко голову, так что чуб свешивался. Я пожалала ему руку, он поднял голову и... у него такой ужас отразился в глазах, он не мог ничего сказать. Я не могла ничего лучше придумать, чем подбодрить его: «Валерий Павлович, вы сейчас будете таким же, как я...»

Я очень увлекалась спортом тогда. И с Вадимом Синявским — великолепным спортивным комментатором — мы провели урок гимнастики. Он командовал, а я исполняла. Причем первую пленку, которую записали с гимнастикой, давали в эфир всю войну. У телевидения был пианист и даже оркестр в студии. Передачи были не каждый день, но довольно часто. Телевидение было чудом. У меня, как и у большинства, телевизора тогда не было. Посмотреть телевизор было все равно что сейчас в космос полететь. Одежды специальной у нас не было, выходили в эфир в своих обычных туалетах. Поведению перед камерой нас не обуча-

ли, так, элементарные вещи — направо, налево, все очень приблизительно. Я вела множество передач, позднее даже регулярный журнал «Для вас, женщины». Много концертов, в том числе мхатовских актеров. Очень хорошо помню вечера Дмитрия Орлова, Царева, Качалова. Пожилые актеры волновались, Царев был очень спокойный, профессиональный. Некоторый наигрыш был — но это от необычности сцены. Мы ездили в Воронеж, снимали спектакль «Привидения» Ибсена, потом его показывали. В газетах появлялись фотографии, портреты дикторов, которые выступали по телевизору. Меня узнавали на улицах, но не так чтобы все. Как-то продавщица в магазине обратилась ко мне: «Вам никто никогда не говорил, что вы похожи на Высоцкую?» Потом поняла, что это я и есть, засмеялась. С тех пор я стала получать очень хорошие продукты. На телевидение отбирали по внешним данным. Самая очаровательная была Оля Чупурова, она очень рано умерла от скоротечной чахотки. Потом была Нина Кондратова. С первыми дикторами была знакома, но мы не слишком дружили. Дисциплина была очень строгая. В те времена было страшно ошибиться в тексте — давали выговор, снижали плату, могли уволить. Нас очень строго проверяло НКВД. У нас был прикрепленный, мы знали его в лицо, когда он появлялся, мы себя очень неудобно чувствовали. Если мы делали ошибки, он сразу приглашал к себе на разговор. Был случай, когда диктор вела передачу, выступал колхозник с Украины. У него не было текста, и он стал говорить, что у них там голод, они считают каждое зерно, что дети с голоду пухнут. И диктор ничего не могла сделать — не заткнуть же ему рот! Потом ее вызывали в НКВД, но не уволили. Когда Чкалов выступал, я тоже тряслась, как бы он чего не сказал. А он и сказал, был не в себе, и светом его напекло: «Мы можем летать не только туда, мы можем полететь куда угодно, куда прикажет товарищ Сталин!» Этого не было в тексте, и я подумала: ну все, мне хана! Но потом мне никто ничего не сказал... На приемы меня никогда не приглашали, это сейчас дикторы — звезды, а тогда мы были — обслуживающий персонал.

Дарья ПРОНИНА.